IUrii Miloslavskii

Moskva

1892

Reel: 52 Title: 9

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

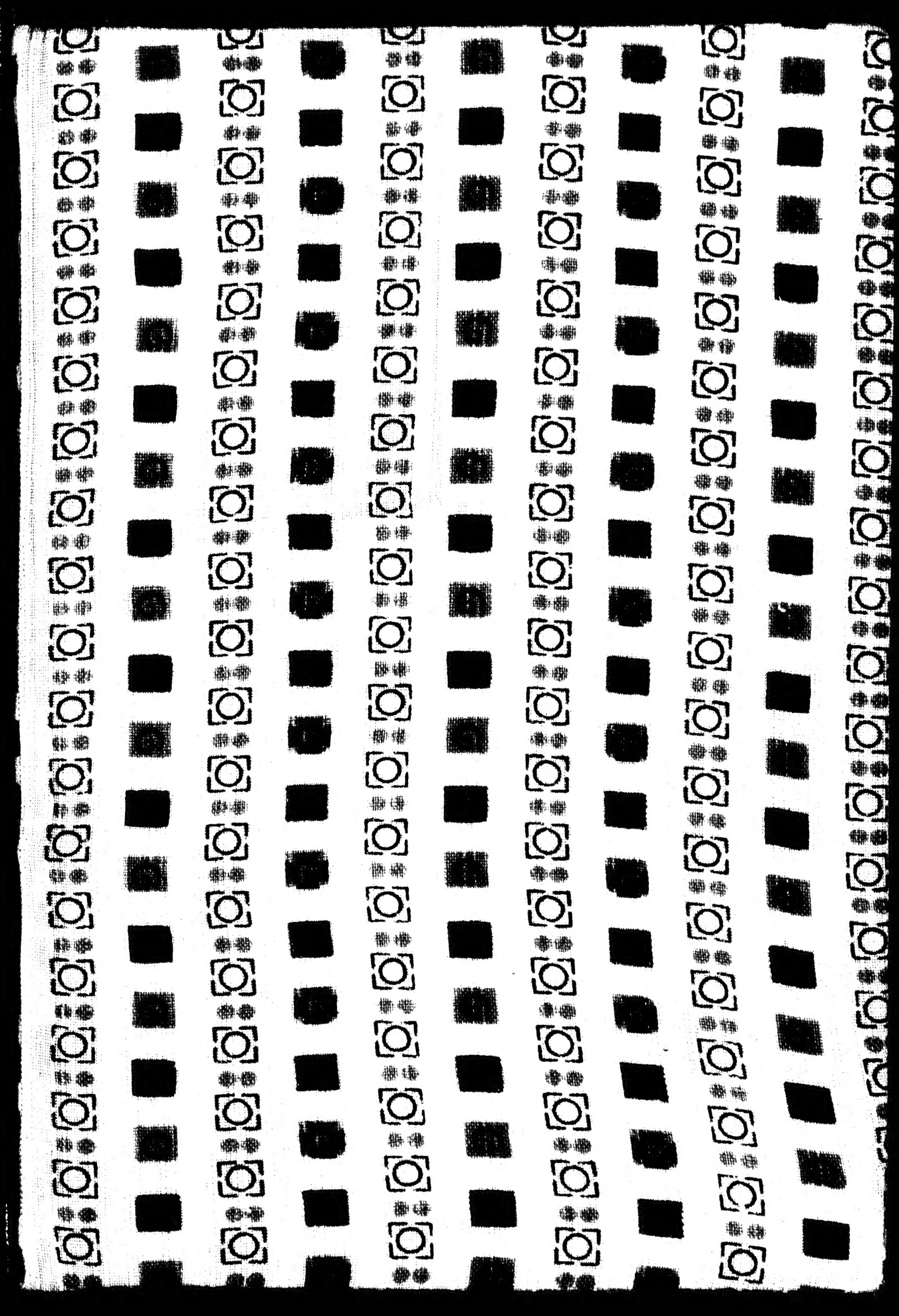
RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCl00052.09

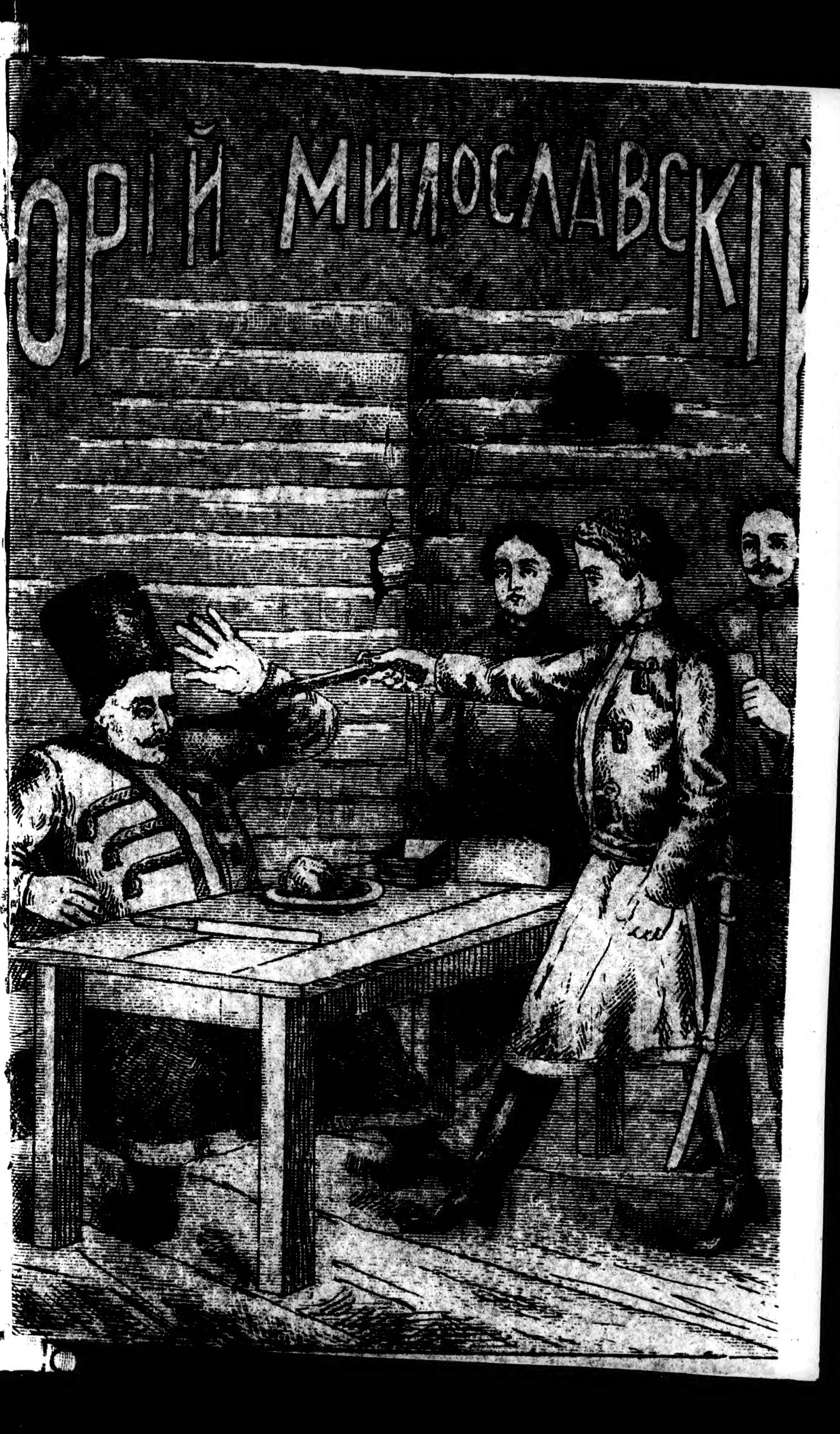
Control Number: BGO-3159
OCLC Number: 25161535
Title: IUrii Miloslavskii
Imprint: Moskva: Tip. Vil'de. 1892
Format: 35 p. 18cm
Note: Illustrated cover
Subject: Chapbooks, Russian

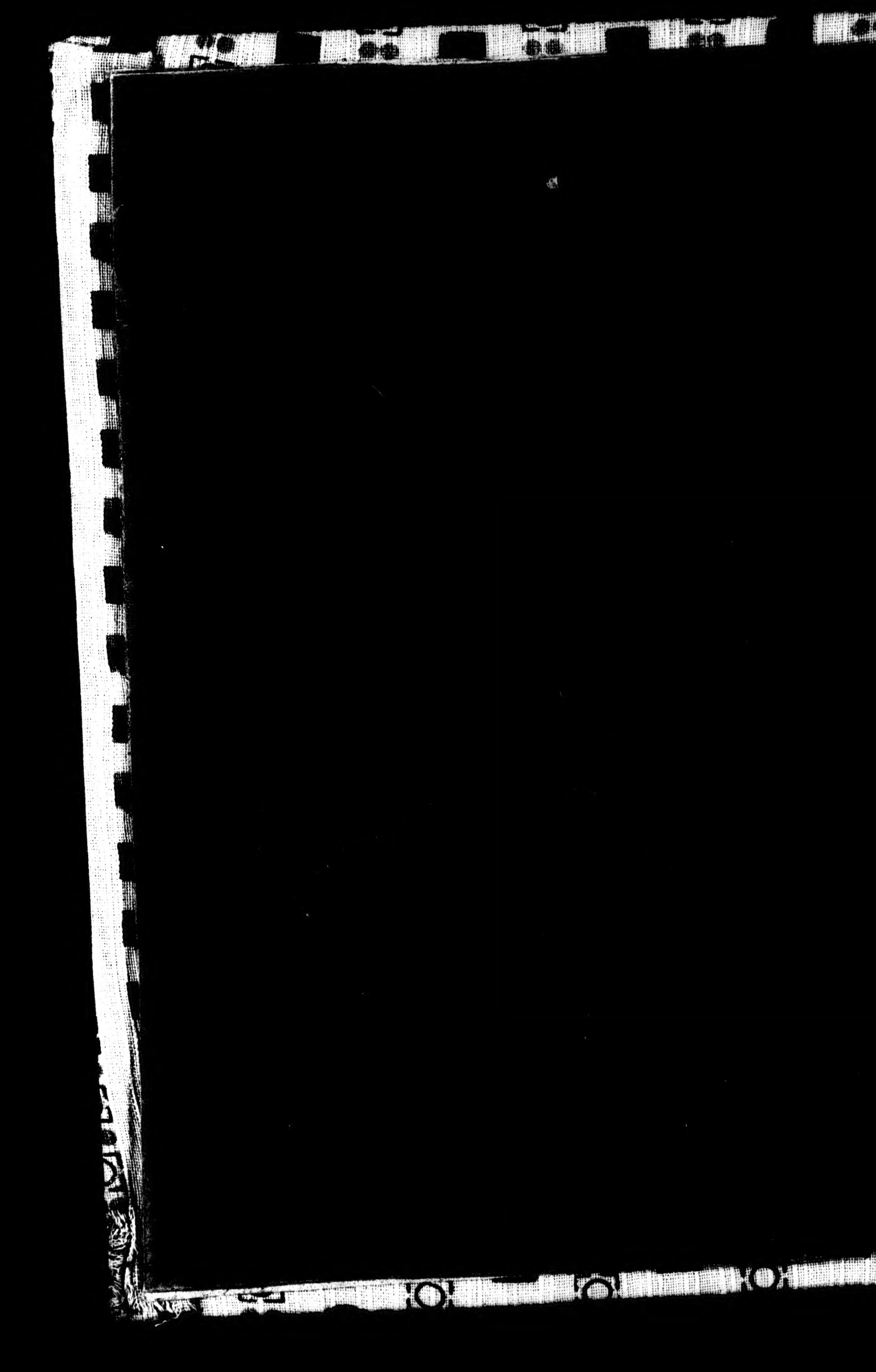
MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10-31-94
Camera Operator: CS

61 + 62

ОРІЙ МИЛОСЛАВСКІ

ЮРІЙ

МИЛОСЛАВСКІЙ.

МОСКВА.
Типографія Вильде, Верхняя Кисловка, собственный домъ.
1892.

Дозволено Цензурою, Москва, 30 Октября 1891 года

Мятель.

Время приближалось къ полночи, а непогода не переставала. Мятель и вьюга застилали дорогу и глаза проѣзжихъ.

Пронзительный вѣтеръ завывалъ по большой дорогѣ, когда въ эту непогоду пробирались около лѣса сани, запряженныя тройкою лошадей, въ которыхъ сидѣли бояринъ Юрій, сынъ славнаго боярина Милославскаго, лѣтъ 22-хъ, красивый юноша, да дядька его Тимоѳей, ходившій съ малолѣтства за нимъ. — Ямщикъ сидѣлъ на козлахъ, закутанный въ тулупъ и занесенный снѣгомъ. — Юрій былъ въ бархатномъ камзолѣ съ собольею опуш-

Дозволено Цензурою, Москва, 30 Октября 1891 года

Мятель.

Время приближалось къ полночи, а непогода не переставала. Мятель и вьюга застилали дорогу и глаза проѣзжихъ.

Пронзительный вѣтеръ завывалъ по большой дорогѣ, когда въ эту непогоду пробирались около лѣса сани, запряженныя тройкою лошадей, въ которыхъ сидѣли бояринъ Юрій, сынъ славнаго боярина Милославскаго, лѣтъ 22-хъ, красивый юноша, да дядька его Тимоѳей, ходившій съ малолѣтства за нимъ.— Ямщикъ сидѣлъ на козлахъ, закутанный въ тулупъ и занесенный снѣгомъ.—Юрій былъ въ бархатномъ камзолѣ съ собольею опуш-

кою, на плечахъ накинута была шуба чернобурыхъ лисицъ. Шелковый кушакъ охватывалъ стройную его талію, къ которому прицѣплена была сабля и изъ-за пояса торчала рукоятка турецкаго кинжала. — Холодный съ снѣгомъ вѣтеръ проницалъ проѣзжихъ, и Юрій закутался въ шубу. Наступила глубокая ночь, а мятель и вьюга не переставали.

Лошади еле-еле тащились шагомъ и съ трудомъ въ такую непогоду вывозили проѣзжихъ.

— Ахъ, Боже, скоро-ли это доѣдемъ? Что за непогода! не въ добрый часъ выѣхали, — проговорилъ бояринъ Юрій.

— Да, бояринъ, прогнѣвали Господа; такая мятель, что уже на шестой десятокъ переходитъ, а не запомню такой непогоды.

— Ахъ, Боже мой, застанемъ ли мы ихъ, — проговорилъ взволнованнымъ голосомъ Юрій Михайловичъ.

— Богъ милостивъ, бояринъ; они тоже за этой непогодой не должны далеко

уѣхалъ,—успокоивая своего боярина, проговорилъ дядька Тимоѳей.

— Да гони же, братецъ! Что ты на смѣхъ, что-ли! — съ досадою проговорилъ Юрій, обращаясь къ ямщику.

— Ахъ, бояринъ, съ конями-то не сладишь. Ишь упираются, нейдутъ. Смотри, погода то какая, видо зги, не видно. Ну, ну, дергая возжами и похлестывая кнутомъ, понукалъ ямщикъ лошадей.

Кони нѣсколько разъ рванули и наконецъ стали.

— Ну, бояринъ, плохо наше дѣло, мы сбились съ дороги и придется ночевать, въ полуоборотъ обернувшись къ боярину Юрію, проговорилъ эти слова ямщикъ, занесенный снѣгомъ.

— Господи, что это за несчастіе такое и неужели придется здѣсь ночевать и мерзнуть тутъ до утра, и тогда, увы, она будетъ уже далеко! взволнованнымъ голосомъ и всплеснувъ руками, проговорилъ Юрій.

А вѣтеръ какъ бы на смѣхъ вторилъ

предсказаніямъ ямщика. То съ ревомъ онъ заметывалъ снѣгомъ нашихъ путешественниковъ, то сразу обдувалъ ихъ.

Шумъ деревъ, трескъ сучьевъ, заунывный вой вѣтра въ лѣсу, въ родѣ воя звѣринаго, наводили страхъ.

— Съ нами крестная сила,—перекрестившись, проговорилъ дядька Тимоѳей.—Что, Юрій Михайловичъ, не приготовить ли ружья на всякій случай?—Вотъ такъ, не ровенъ часъ?

— А вотъ что, бояринъ честной — проговорилъ съ участіемъ ямщикъ, обратившись къ Юрію. — Попробую на счастье: сяду на пристяжную и попытаю отыскать, нѣтъ ли по близости деревни. Тутъ должна быть близко. Э, на волю Божію! — при этихъ словахъ ямщикъ мигомъ соскочилъ съ козелъ, отстегнулъ пристяжную, и, сѣвъ на нее, промолвилъ что онъ надѣется скоро вернуться.

— Смотри, не заплутай, проговорилъ вслѣдъ ему Тимоѳей.

Закутавшись въ шубу, погрузился Юрій

въ душу, облокотившись на задокъ саней. Лишь изрѣдка тяжелые вздохи вылетали изъ груди его. Сколько ни пыталъ заговаривать дядька его Тимоѳей, но тщетно. Юрій молчалъ и не обращалъ вниманія на разговоръ. Мысль о свиданіи съ Любашей не оставляла его. Неудача достичь ее, чтобы увидаться въ послѣдній разъ, трогала его душу и наводила на него уныніе. Не смотря на храбрость свою, на желаніе сразиться съ врагомъ своего отечества и виновникомъ разлуки съ своею невѣстою, онъ всетаки желалъ еще разъ увидать, еще разъ проститься съ нареченною своею невѣстою, хотя бы это и было въ послѣдній разъ предъ выходомъ въ походъ противъ не-непріятеля, явиться предъ глазами своей Любаши защитникомъ отечества, а вмѣстѣ съ тѣмъ ласкало его воображеніе, что онъ спасаетъ ее уже отъ враговъ. Ему рисовалось уже, что она въ плѣну и что онъ съ обнаженнымъ мечемъ бросается и освобождаетъ ее. А она, съ [illegible] и [illegible]-

выми глазами, съ тѣми глазами, которыми обладаетъ прекрасная Любаша, встрѣчаетъ его, обнимаетъ и напечатлѣваетъ пламенный поцѣлуй.

При такой мысли онъ самодовольно улыбнулся. Но вдругъ, увидя себя въ снѣгу, среди лѣса на большой дорогѣ, среди блуждающей мятели, и при мысли одной потерять ее изъ виду, онъ опускалъ голову на грудь и предавался унынію. Вдругъ мысль его оживлялась, отчего онъ нѣсколько разъ брался за рукоятку сабли. Мысль идти спасать отечество и мстить врагамъ брала верхъ. Данный имъ обѣтъ мстить врагамъ занялъ всѣ его мысли. Онъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ. Вѣтеръ сталъ утихать, вмѣстѣ съ тѣмъ и снѣгъ. Юрій не вытерпѣлъ, что-бы не сказать: Слава Богу, погода перестаетъ".

— Да, Юрій Михайловичъ, слава Богу, Богъ дастъ и найдемъ ночлегъ, — вздохнувъ проговорилъ Тимоѳей.

Не успѣлъ проговорить эти слова Тимоѳей, какъ послышался конскій топотъ и звонъ бубенчика. То былъ ямщикъ.

— Слава Богу, бояринъ, приподнявъ шапку, обратился съ такими словами ямщикъ къ Юрію Михайловичу. Тутъ неподалеку, лишь повернуть въ лѣсъ, будетъ большая дорога, а влѣво будетъ деревня, гдѣ еще виденъ огонекъ. Стоитъ только немного по полю протащиться, а тамъ и Богъ милостивъ. Вы съ Тимоѳеемъ сядьте на пристяжныхъ, а я ужъ дотащусь.

— Слава Богу, слава Богу,—въ одно слово всѣ проговорили, перекрестившись.

Ночлегъ.

Время было за полночь, но небо уже прояснилось отъ тучъ. Погода затихла, лишь вѣтеръ извѣвалъ съ поля рыхлый снѣгъ. Бояринъ Юрій и Тимоѳей сѣли на пристяжныхъ и потянулись по указанію ямщика.

Какъ только наши всадники повернули за лѣсъ, то дѣйствительно увидали, что были близко отъ деревни. Огонекъ свѣтился изъ одной избы, и свѣтъ плавною полоскою проливался по ложбинѣ

— Что, бояринъ, надо напрямикъ; ужъ дѣлать нечего, хотя и топко.—Вишь свѣтитъ

сосѣдомъ, [illegible] дверь, — обратился съ этими словами Тимоѳей къ барину.

— Да, надо полагать, что такъ; а то къ чему бы было въ эту пору огонь жечь, — проговорилъ скороговоркой Юрій Михайловичъ.

— Почемъ знать, можетъ быть и покойникъ: тамъ читаютъ псалтырь.

— Ну, вотъ такъ сейчасъ и покойникъ. Ступай впередъ, Тимоѳей, да спросись, впустятъ ли еще?

При этихъ словахъ Юрія Михайловича, Тимоѳей стегнулъ поводомъ пристяжную и сталъ пробираться межъ огородовъ къ дому, откуда свѣтился огонекъ.

Юрій, оставшись наединѣ среди поля, неоднократно обертывался и поглядывалъ на большую дорогу, какъ будто, поджидалъ кого то; но никого не видно было, и ночную тишину никто не нарушалъ, лишь изрѣдка доносился лай собакъ со дворовъ.

Раздался стукъ. То былъ Тимоѳей, стучавшійся въ калитку.

Несколько минутъ прошло, какъ раздался по полю ударъ отъ скобки и въ дверяхъ калитки показался сѣдой старикъ съ догорѣвшею лучиной въ рукѣ. Кого Богъ даетъ?— проговорилъ рослый плечистый крестьянинъ съ бѣлыми, какъ лунь, волосами и въ одной рубахѣ, подпоясанный лишь поясомъ, не смотря на холодное и вѣтреное время.

— Пусти родной, обогрѣться, сбились съ дороги и заплутали, а погода такая настигла, что избави Богъ.

— Кто ты такой? — прищуривъ глаза, оглядывалъ съ ногъ до головы старикъ боярскаго слугу Тимоѳея.

— Слуга боярина Юрія.

— Слуга боярина Юрія?—быстро окинувъ Тимоѳея, скороговоркою проговорилъ старикъ.

— Такъ точно.

— А гдѣ самъ?

— Онъ слѣдуетъ за мною и сейчасъ будетъ.

При этихъ словахъ Тимоѳея, Юрій приблизился.

— Радъ добрымъ людямъ, радъ добрымъ людямъ! Еще и батюшкѣ вашей милости былъ знакомъ, кланяясь, проговорилъ старикъ, осматривая прибывшаго Юрія.

Юрій соскочилъ съ пристяжной и взошелъ на крыльцо.

Старикъ быстро отворилъ дверь избы и пропустилъ въ нее боярина Юрія, при этомъ поклонившись ему въ поясъ.

Жареная утка.

Юрій, взойдя въ избу, сотворилъ крестное знаменіе и, поклонившись образамъ на всѣ четыре стороны, прошелъ въ другую комнату; Тимоѳей слѣдовалъ за нимъ.

Утомленный Юрій скинулъ шубу, легъ на скамью, а вѣрный слуга его Тимоѳей сталъ стаскивать сапоги. Лишь только вышелъ Тимоѳей, какъ уже Юрій заснулъ и сталъ храпѣть на всѣ комнаты.

— Бояринъ вѣрно больно утомился? проговорилъ сѣдовласый старикъ, обращаясь къ Тимоѳею и влѣзая на печь.

— Да, почти всю ночь плутали, — проговорилъ Тимоеей и сталъ вынимать изъ ларца жареную утку. — А что, дѣдушка, печь, кажись, горячая еще? охватывая печку руками, проговорилъ Тимоеей, обращаясь къ старику.

— Ничего, поставь; покуда бояринъ твой встанетъ, еще согрѣется; а какъ захочешь спать, то вотъ ложись на полатяхъ: тамъ тебѣ хорошо и спокойно будетъ.

Панъ Гудовскій, въ одной лишь бархатной куртке, обшитой золотыми галунами, сидѣлъ за столомъ и доѣдалъ кашу.

Лицо его было красно отъ порядочной выпившей рюмки. Невдалекѣ отъ него сидѣлъ на лавкѣ слуга его, Янъ, и посматривалъ посоловѣвшими глазами на пана, съ нетерпѣніемъ ожидая, когда панъ отойдетъ ко сну и дастъ ему покой.

Въ это время покуда панъ Гудовскій доѣдалъ ужинъ, раздавалось сонное храпѣніе Юрія.

Панъ Гудовскій неоднократно спрашивалъ,

кто это такъ крѣпко храпитъ, и получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ отъ Яна, что это тотъ бояринъ, который сейчасъ прибылъ.

— А что, Янъ, неужели нѣтъ ничего болѣе у этого старика, кромя этой лепишки, вѣдь такъ до завтряго не доживешь, съ голоду умрешь?

Янъ почтительно поклонился и, подойдя къ пану, проговорилъ:

— Нѣтъ, ясновельможный панъ.

Въ это время, покуда панъ Гудовскій велъ разговоръ съ своимъ слугою, Тимоѳей, влѣзая на полати, толкнулъ спящаго казака Гульбу.

— Кто это толкается?—проговорилъ въ просонкахъ казакъ Гульба.

— Извини, братъ, это я нечаянно,—ежась, отвѣчалъ Тимоѳей.

— А кто ты такой?

— Боярскій слуга.

— Боярскій слуга? А какого боярина?

— Боярина Юрія. А ты кто такой?

— Я то?.. Казакъ Гульба...

— Далеко ли держишь путь? спросилъ, зѣвая, Тимоѳей своего сосѣда.

— Да я то къ своимъ... А вы далеко-ли?

— Мы-то, съ бояриномъ, то-есть, мы походомъ къ Москвѣ.

— Походомъ?

— Да, походомъ.

— Слѣдовательно увидимся еще, Богъ дастъ. Ну, что, а бояринъ-то твой хорошъ?

— Уже на что лучше. Такой добродушный, ужъ истинно бояринъ. Вѣдь я за нимъ съ малолѣтства хожу,—самодовольно произнесъ Тимоѳей.

Два сосѣда, поговоривъ и пожелавъ другъ другу спокойной ночи, заснули.

Панъ Гудовскій, сколько ни пыталъ утѣшить себя, никакъ не могъ преодолѣть своего голода.

Онъ нѣсколько разъ приставалъ къ своему слугѣ. Янъ наконецъ сжалился и пошелъ будить хозяина.

— Я тебѣ, я думаю, русскимъ языкомъ сказалъ, что нѣтъ ничего: нѣтъ, пристаетъ

тами. Что за народъ? Не вѣришь, такъ самъ поди удостовѣрься, — проговорилъ старикъ съ сердцемъ.

Дѣлать было нечего. Надо было идти пошарить въ печи, а то панъ опять будетъ приставать. Открывъ печь Янъ сталъ смотрѣть съ лучиной.

— Ничего нѣтъ, панъ; только и есть, что вотъ этого боярина утка.

Съ радостію прыгнулъ панъ Гудовскій и сказалъ:

— Давай сюда, Янъ, давай; это находка!

— Смотри, ясновельможный панъ, не вышло бы чего съ этимъ москалемъ. Ишь какой гордый; пожалуй, осерчаетъ.

— Э, да что этого москаля бояться? Какъ ты да я по винтовкѣ возьмемъ, то что они намъ сдѣлаютъ? А покуда спятъ, мы уже уѣдемъ. Э, давай скорѣе, наливай романеи? — приказывалъ панъ своему слугѣ.

Лишь только успѣлъ расположиться панъ Гудовскій и приняться за утку, какъ Юрій Михайловичъ уже проснулся отъ тревожнаго

сна и вошелъ въ комнату, въ которой сидѣлъ панъ Гудовскій.

— Не хочешь ли, бояринъ, со мной закусить, — проговорилъ Гудовскій вошедшему Юрію Михайловичу.

— Благодарю, — проговорилъ отрывисто Юрій Михайловичъ, не обращая вниманія на пана.

— О, гордъ больно, не хочешь, такъ какъ хочешь, „твоимъ же добромъ тебя угощаю". съ усмѣшкой проговорилъ панъ Гудовскій

Юрій Михайловичъ, взойдя въ переднюю комнату и не видя Тимоѳея, вернулся къ полатямъ. Тимоѳей дѣйствительно былъ на полатяхъ.

Тимоѳей спалъ крѣпкимъ сномъ. Нѣсколько разъ окликалъ его Юрій, но Тимоѳей не слыхалъ, тогда Юрій Михайловичъ влѣзъ самъ на полати и сталъ тормошить Тимофея.

— Тимоѳей, а Тимоѳей, пора вставать!

— Что прикажешь, бояринъ, — проговорилъ испуганный Тимоѳей.

— Пора вставать, да и собираться въ дорогу; вонъ видишь разсвѣтаетъ.

— Сейчасъ — потягиваясь, проговорилъ Тимоѳей и, нѣсколько разъ повернувшись, соскочилъ съ полатей.

— Да вотъ что, Тимоѳей, надо бы поискать лошадей верховыхъ. Оно теперь не далеко становится, всего верстъ шестьдесятъ, да и погода потеплѣла, а ямщика отпустимъ.

— Что же, оно вѣстимо такъ. Да оно вотъ что,—почесывая затылокъ, проговорилъ Тимоѳей. — Вотъ со мною тутъ ночевалъ казакъ по прозванію Гульба, такъ онъ вѣроятно знаетъ и скоро найдетъ.

— Какой это казакъ?

— А вотъ сейчасъ. Эй, землякъ, а землякъ,—будилъ Тимоѳей казака.

— Что скажешь?—отвѣчалъ казакъ, мигомъ вскочивъ на полатяхъ.

— Да вотъ что, бояринъ желаетъ съ тобою поговорить, — указывая рукою на Юрія Михайловичу, проговорилъ Тимоѳей.

— Что прикажешь, бояринъ!—соскочилъ Гульба съ полатей и, низко кланяясь Юрію, подошелъ къ нему.

— А вотъ что, братъ: намъ бы нужны были оседланныя лошади. Ѣхать, вотъ, видишь ли, намъ нужно верхами.

— Слышалъ, бояринъ, слышалъ,—продолжая кланяться, говорилъ Гульба,—слышалъ отъ слуги вашего, что ваша милость собирается на ратное поле. Да и я тожъ туда стремлюсь; у меня вашъ конь дорогой и тожъ нуженъ для себя. А гдѣ же тутъ найдешь? Развѣ этотъ панъ не продаетъ ли: у нихъ три коня, и славные кони. Съ насъ бы было довольно, и я бы въ долю пошелъ. Продастъ-ли?

— А вотъ что, спроси: а мы пріѣхали съ ямщикомъ, такъ можетъ быть имъ охотнѣй взять его.

Казакъ подошелъ къ столу пана. Юрій отправился въ другую комнату.

— Здравствуй, панъ,—проговорилъ Гульба, подходя къ пану.

Панъ заболталъ головою и что то несвязно произнесъ, а Янъ подошелъ и сказалъ, что ясновельможный панъ никогда не согласится продать лошадей и ѣхать съ ямщикомъ, и просилъ пана не безпокоить.

Въ это время ошеломленный Тимоѳей отскочилъ. Онъ хотѣлъ покормить своего барина жареной теплой уткой, но каково было его удивленіе, когда онъ не нашелъ ея, а увидалъ до половины съѣденную на столѣ у пана Гудовскаго.

— Кто бы это смѣлъ, закричалъ онъ неистово, брать чужую вещь?

Въ это время въ дверяхъ показался Юрій.

— Что случилось?—спросилъ онъ поблѣднѣвшаго Тимоѳея.

— Кто же это смѣлъ брать безъ спроса чужую вещь, боярскую утку? Кто же? Это вотъ этотъ панъ,—повторялъ Тимоѳей.

— Какъ, это тотъ панъ,—проговорилъ

озлобленный Гульба и, дрожа отъ злости всѣмъ тѣломъ, подошелъ къ пану. — Какъ хочешь, бояринъ, произнесъ онъ, смотря во всѣ глаза на Юрія, онъ долженъ непремѣнно за это поплатиться.

— Пускай доѣдаетъ, если уже захотѣлъ ѣсть, — проговорилъ съ улыбкою бояринъ.

— Такъ хорошо, панъ, доѣдай, благодари боярина, а то бы я иначе съ тобою распорядился.

— Нѣтъ, не могу, извини пожалуйста, — говорилъ панъ, отталкивая отъ себя Гульбу.

— А, ты не хочешь? и, вынувъ изъ-за пазухи пистолетъ, наставилъ его въ лобъ пана.

Панъ, отрѣзавъ кусокъ утки, сколько ни силился проглотить, но не былъ въ состояніи и, при видѣ наставленнаго въ него пистолета, отмахивался и пошатывался.

Юрій, при видѣ всего этого, не могъ удержаться отъ смѣха и покатывался на лавкѣ, смотря на угощеніе Гульбы.

— Нѣтъ, отпусти, пожалуйста, отпусти, умолялъ панъ.

— Доѣдай тотчасъ утку, или отдавай намъ лошадей, наставивъ опять дуло, проговорилъ Гульба.

— Изволь, изволь, только отпусти, пожалуйста, умоляю тебя.

— Нѣтъ, сказалъ Юрій, я этого не хочу; онъ пускай ѣдетъ на ямскихъ лошадяхъ, а съ насъ возьметъ, что слѣдуетъ.

— Такъ благодари боярина за доброту и за милость. А я тебя за этакую продѣлку, не отпустилъ бы. Такъ говори, сколько возьмешь?

— Безъ обиды, двѣсти золотыхъ, проговорилъ панъ.

Юрій Михайловичъ досталъ большую кису, вышитую бисеромъ, отсчиталъ двѣсти золотыхъ и подалъ ихъ пану.

— Ну, теперь прощай, панъ, и если ты или твой слуга осмѣлитесь выйти на дворъ, то окончательно тогда не проси пощады,— говорилъ Гульба.

Юрій пошелъ впередъ, а за нимъ Тимоѳей и Гульба.

Встрѣча.

Лишь снѣговая пыль развѣвалась изъ подъ ногъ скакавшихъ всадниковъ. Время приближалось къ полудню и солнце уже стало согрѣвать воздухъ, какъ Юрій вдали замѣтилъ всадника.

— Кто бы это былъ? — проговорилъ Юрій, обратившись къ Гульбѣ.

Гульба, посмотрѣвъ изъ подъ руки, проговорилъ:

— Да, конный и вооруженный. Вишь, смотри винтовка за плечами.

При этихъ словахъ Гульбы, Тимофей тоже посмотрѣлъ и въ свою очередь сказалъ:

— Это, кажись, охотникъ какой-то.—

— А мнѣ кажется, гонецъ чей-то, — сказалъ Юрій.

Наконецъ, ближе, ближе сталъ подвигаться, и увидѣли, что дѣйствительно слова Юрія были справедливы, и что это дѣйствительно былъ гонецъ.

Онъ былъ въ нагольномъ тулупѣ, обшитомъ барашкомъ, и въ такой же шапкѣ. Съ боку прицѣплена была сабля, а за плечами винтовка. Валившій паръ отъ лошади показывалъ, что онъ издалека и ѣхалъ шибко. Поравнявшись съ бояриномъ Юріемъ, онъ приподнялъ свою барашковую шапку и поклонился ему.

— Здорово, голубчикъ, — приподнявъ свою шапку, проговорилъ въ свою очередь Юрій.

— Чей ты и откуда Богъ несетъ?

— Кто, я-то?

— Да, ты-то.

— Я слуга боярина Бѣльскаго, изъ Полянокъ.

— Какъ ты сюда заѣхалъ? Да и далеконько бы, кажись.

— Да, оно вѣстимо такъ, кажись далеко; что дѣлать, на это есть воля господская. Куда посылаютъ, туда и надо идти,— отвѣчая Юрія, проговорилъ слуга Бѣльскаго.

— Оно такъ: куда посылаютъ, туда и надо идти, да больно ты коня-то своего умаялъ, гналъ вѣрно шибко, ишь паръ-то какъ валитъ.

— Я всю ночь ѣхалъ и еще не отдыхалъ. Такъ велѣно, чтобы наскоро ѣхать.

Какъ бы предчувствіе какое руководило Юріемъ; не смотря на свою скромность, онъ очень былъ заинтересованъ, чтобы узнать, какія такія были экстренныя дѣла у Бѣльскихъ.

— Куда же тебя такъ наскоро посылали? Вѣрно ужъ очень скоро нужно было, что и въ ночь ѣхалъ, да и въ такую погоду, какая была въ сегодняшнюю ночь. Слѣдовательно, чтобы это такое особенное, скоро нужно? краснѣя отъ любопытства, проговорилъ Юрій.

Слуга боярина Бѣльскаго, посмотря на Юрія и окинувъ въ свою очередь взглядомъ Гульбѣ и Тимоѳея и повидимому не совсѣмъ еще довѣряя имъ, спросилъ:

— А кто бы вы такіе?

Юрій въ короткихъ словахъ объяснилъ свое званіе и фамилію и въ свою очередь пояснилъ объ Гульбѣ и Тимоѳеѣ.

Чтобы ознакомить нашего читателя съ невѣстою Юрія, мы должны, если не во многихъ, то въ короткихъ словахъ объяснить: Наталья Алексѣевна Пятигорская, дочь зажиточнаго боярина, была помолвлена за Юрія. Замѣчательная красотою и богатствомъ, она имѣла многихъ жениховъ, предлагающихъ ей руку, но сердце ея избрало Юрія, и выборъ ея понравился и родителямъ, гордымъ Пятигорскимъ. Но возгорѣвшаяся война помѣшала совершиться бракосочетанію и свальба была отложена до возвращенія Юрія изъ похода. При всей своей храбрости, при всемъ желаніи состязаться со врагомъ, образъ прекрасной не-

вѣсты не оставлялъ Юрія. Онъ горѣлъ желаніемъ состязаться и броситься въ ряды враговъ, чтобы отличиться и тѣмъ еще болѣе заслужить любовь своей нареченной невѣсты, Натальи Алексѣевны Пятигорской. И вотъ въ описываемый нами моментъ онъ узнаетъ отъ слуги Бѣльскаго, что бояринъ Бѣльскій въ родствѣ съ семействомъ Пятигорскихъ. Онъ съ жадностію слушалъ все, что говорилось о ней, и по этому пришелъ въ неописанный восторгъ, когда узналъ отъ слуги Бѣльскаго о родствѣ Пятигорскихъ съ господами его. Но пришелъ въ страшное уныніе, когда узналъ о томъ, что мать невѣсты, сама Пятигорская, вынуждена была завернуть къ теткѣ по случаю внезапной болѣзни дочери ея Натальи Алексѣевны, невѣсты Юрія, случившейся на дорогѣ. Вслѣдствіе такого обстоятельства были посланы по разнымъ направленіямъ гонцы къ отцу невѣсты, къ самому боярину Пятигорскому.

— Вотъ, бояринъ, вотъ почему мнѣ и приказано было такъ скоро спѣшить, —за-

ключилъ этими словами гонецъ Бѣльскихъ.

Юрій еле еле могъ удержаться на сѣдлѣ. Это извѣстіе его такъ поразило, что онъ долго ѣхалъ, поникнувши головою; наконецъ нѣсколько крупныхъ слезъ скатились съ рѣсницъ его. Онъ пріударилъ нагайкой своего коня и поѣхалъ мелкою рысцой.

Гонецъ Бѣльскихъ, по прозванію Семенъ, замѣтивъ, что онъ боярина разстроилъ этимъ извѣстіемъ, пріударилъ также своего коня и, нагнавъ Юрія, сталъ уговаривать:

— Э, бояринъ, Богъ милостивъ.

— А гдѣ она теперь? — взволнованнымъ голосомъ и сдерживая слезы проговорилъ Юрій.

— Я тебѣ ведь говорилъ, бояринъ, что у тетки, у нашихъ Бѣльскихъ въ Полянкахъ.

— Я ѣду съ тобою, — рѣшительно проговорилъ Юрій.

Гульба, распростившись съ Юріемъ, направился въ Москву, а Юрій съ Тимоѳеемъ повернули съ большой дороги на проселочную, въ Полянки, помѣстіе Бѣльскихъ.

Семейство Бѣльскихъ.

Дорога прямо проселкомъ вела къ помѣстью Бѣльскихъ. Рядъ деревьевъ, опушенныхъ снѣгомъ, подводилъ къ крыльцу дома боярина Бѣльскаго. Прекрасное мѣстоположеніе, лѣтомъ, привлекало часто семейство Пятигорскихъ въ Полянни; а зимою дѣлались посидѣлки, на которыя собирались сосѣди, также именитые бояре, и привлекали не только родныхъ, но и постороннихъ знакомыхъ. Радушный пріемъ и хлѣбосольство, по тогдашнему времени, хозяевъ славились среди сосѣдей.

Въ то время, какъ подвигался Юрій Михайловичъ съ слугою Бѣльскихъ и дядькою Тимоѳеемъ, Наталья Алексѣевна Пятигорская, ѣхавши съ своею матерью и завернувъ навѣстить свою тетку, скоропостижно заболѣла. Съ стѣсненной грудью въѣхалъ Юрій на дворъ Бѣльскихъ; подъѣхавъ къ крыльцу, онъ сталъ слѣзать съ коня, и нѣсколько слугъ вышли встрѣчать его.

Юрій взойдя въ домъ, велѣлъ доложить о себѣ Петру Ивановичу Бѣльскому.

Не прошло нѣсколько минутъ, какъ вышелъ самъ бояринъ Петръ Ивановичъ съ распростертыми объятіями. Юрій Михайловичъ въ свою очередь тоже низко, въ поясъ поклонился идущему къ нему Бѣльскому. Нѣсколько разъ поклонившись другъ другу въ поясъ, Бѣльскій, взявъ подъ руку Юрія, ввелъ его въ покои.

— Прошу покорно, прошу войдти ко мнѣ, низко кланяясь въ поясъ, говорилъ Бѣльскій. Давно бы, а то мы съ батенькой тво-

нимъ хлѣбъ-соль водили, а съ тобою еще не приходилось.

— Да, бояринъ, нечаянный случай привелъ меня къ тебѣ въ домъ.

— Очень радъ, очень радъ, чѣмъ могу служить?

— Ты, вѣроятно, слыхалъ, бояринъ, о помолвкѣ моей съ племянницею вашей?

— Какъ-же, слышалъ и очень радъ породниться съ тобою, бояринъ. И нареченная твоя теперь тутъ. Да что, бояринъ, съ глазу, что-ли, или простудилась, что-ли, Господь знаетъ, было захворала. А теперь, слава Богу, все прошло и выздоровѣла.

При этихъ словахъ Бѣльскаго лице Юрія просіяло.

— Не хочешь-ли повидать ее, бояринъ? — съ ласковымъ лицемъ проговорилъ Бѣльскій.

— Да, очень-бы желалъ повидать и проститься.

— Хорошо, хорошо, присядь, поотдохни, отвѣдай нашего хлѣба соли, — проговорилъ Бѣльскій и вышелъ.

Не прошло нѣсколькихъ минутъ какъ слуги внесли разныя закуски, водки и наливки всѣхъ сортовъ. И въ скоромъ времени вошли въ этотъ покой Бѣльскій съ женою и Наталья Алексѣевна Пятигорская съ матерью.

Низко поклонившись другъ другу, и, затѣмъ поговоривъ, Бѣльскій предложилъ боярину Юрію закусить.

Юрій, закусивъ, привсталъ и, помолясь иконамъ и поблагодаривъ хозяевъ, сталъ собираться въ путь. Расцѣловавшись со всѣми и невѣстѣ низко поклонившись, онъ вышелъ вонъ. Всѣ провожали его до дверей крыльца, напутствуя крестнымъ знаменіемъ и желаніемъ счастливаго возвращенія и сокрушенія врага.

Врагъ былъ изгнанъ изъ Москвы, и Юрій, отличившись на войнѣ, возвратился къ невѣстѣ. Чрезъ нѣсколько времени совершилась ихъ свадьба. Пиръ былъ на славу.

КОНЕЦЪ.

INTENTIONAL SECOND EXPOSURE

мы хлѣбъ соль водили, а съ тобою еще не приходилось.

— Да, бояринъ, нечаянный случай привелъ меня къ тебѣ въ домъ.

— Очень радъ, очень радъ, чѣмъ могу служить?

— Ты, вѣроятно, слышалъ, бояринъ, о помолвкѣ моей съ племянницею вашей?

— Какъ-же, слышалъ и очень радъ породниться съ тобою, бояринъ. И нареченная твоя теперь тутъ. Да что, бояринъ, съ глазу, что-ли, или простудилась, что-ли, Господь знаетъ, было захворала. А теперь, слава Богу, все прошло и выздоровѣла.

При этихъ словахъ Бѣльскаго лице Юрія просіяло.

— Не хочешь-ли повидать ее, бояринъ? — съ ласковымъ лицемъ проговорилъ Бѣльскій.

— Да, очень-бы желалъ повидать и проститься.

— Хорошо, хорошо, присядь, постдохни, отвѣдай нашего хлѣба соли, — проговорилъ Бѣльскій и вышелъ.

Не прошло нѣсколькихъ минутъ какъ слуги внесли разныя закуски, водки и наливки всѣхъ сортовъ. И въ скоромъ времени вошли въ этотъ покой Бѣльскій съ женою и Наталья Алексѣевна Пятигорская съ матерью.

Низко поклонившись другъ другу, и, затѣмъ поговоривъ, Бѣльскій предложилъ боярину Юрію закусить.

Юрій, закусивъ, привсталъ и, помолясь иконамъ и поблагодаривъ хозяевъ, сталъ собираться въ путь. Расцѣловавшись со всѣми и невѣстѣ низко поклонившись, онъ вышелъ вонъ. Всѣ провожали его до дверей крыльца, напутствуя крестнымъ знаменіемъ и желаніемъ счастливаго возвращенія и сокрушенія врага.

Врагъ былъ изгнанъ изъ Москвы, и Юрій, отличившись на войнѣ, возвратился къ невѣстѣ. Чрезъ нѣсколько времени совершилась ихъ свадьба. Пиръ былъ на славу.

КОНЕЦЪ.

Не прошло нѣсколькихъ минутъ какъ слуги внесли разныя закуски, воды и наливки всѣхъ сортовъ. И съ стороны времени вошли въ этотъ покой Бѣлевскій съ женою и Наталья Алексѣевна Пятигорская съ матерью.

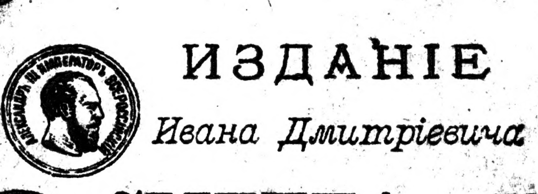
Низко поклонившись другъ другу, и затѣмъ поговоривъ, Бѣлевскій предложилъ боярину Юрію закусить.

Юрій, закусивъ, приѣхавъ и, помолясь гневно и поблагодаривъ хозяевъ, сталъ собираться въ путь. Распрощавшись со всѣми и вмѣстѣ низко поклонившись, онъ вышелъ вонъ. Всѣ провожали его до двора крыльца, напутствуя крестнымъ знаменіемъ и желаніемъ счастливаго возвращенія и сокрушенія врага.

Врагъ былъ изгнанъ изъ Москвы, и Юрій, отличившись на войнѣ, возвратился къ невѣстѣ. Чрезъ нѣсколько времени совершилась ихъ свадьба. Пиръ былъ на славу.

КОНЕЦЪ.

ИЗДАНІЕ
Ивана Дмитріевича

СЫТИНА и К°.

ВЪ МОСКВѢ.

КНИЖНАЯ и КАРТИННАЯ
ТОРГОВЛЯ

1) близъ Ильинскихъ воротъ, въ домѣ Титова,
2) на Никольской, въ д. гр. Орлова-Давыдова,
въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая, № 27
и въ Нижегородской ярмаркѣ, на Шоссе.

КНИГИ ВСѢХЪ СОРТОВЪ

своего изданія,

ОЛЕОГРАФИЧЕСКІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФИЧЕСКІЯ

КАРТИНЫ.

ТИПОГРАФІЯ
и
ХРОМО-ЛИТОГРАФІЯ

на Валовой улицѣ, въ соб. домѣ.

Дозв. ценз. Москва, 31 декабря 1890 г. Лит. И. Д. Сытина и К°., въ Москвѣ.